

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 6

По материалам
шестой Международной научной конференции,
посвященной 105-летию со дня рождения А. П. ПЛАТОНОВА

21–24 сентября 2004 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2005

НОВОХОПЕРСК (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТА)

*Подготовка текста и вступительная статья
Валерия Вьюгина (Санкт-Петербург)*

В данной публикации представлена транскрипция ранней редакции фрагмента (условно — «Новохоперск») из рукописи «Чевенгура», хранящейся в РО ИРЛИ (Ф. 780, ед. хр. 34). Фрагмент расположен сразу за «Происхождением мастера» и повествует о путешествии героя в город Новохоперск (Урочев). За ним следует текст «Строителей страны»*.

Изначально текст «Новохоперск» принадлежал другому произведению. Платонов внес существенную правку, чтобы совместить его сюжет с логикой «Чевенгура». Наиболее заметной трансформации подверглась система персонажей: автор заменил рассказчика («я») персонажем («Дванов») и соответственно перевел повествование от первого лица в повествование от третьего. Кроме того, Платонов модифицировал место действия — вместо топонима «Новохоперск» в окончательном тексте рукописи «Чевенгура» дан «Урочев»**.

Эпизод, рассказывающий о путешествии Дванова в степной город, записан на листах двух типов. Листы первого типа — плотные, листы второго — тонкие. Повествование от первого лица записано на плотных листах. Тонкие листы не содержат исправлений, связанных с заменой «я» на «Дванов». В них упоминается только Дванов. Следовательно, они использовались на поздней стадии работы как вставки и дополнения к тексту на плотных листах и не имеют отношения к самостоятельному замыслу, реализованному в «Новохоперске».

Текст на плотных листах, содержащий повествование от первого лица, написан химическим карандашом. Правка в него вносилась и

* О гетерогенном характере текста «Чевенгура», условном текстологическом делении рукописи произведения на фрагменты и их рабочем именовании см. с. 565–571 наст. издания.

** Подробней о модификации данного текста и приемах, которые Платонов при этом использовал, см.: Вьюгин В. Ю. Из наблюдений над рукописью романа «Чевенгур» (От автобиограф. к худож. обобщенности) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.

химическим, и простым карандашом. Повествование от первого лица, плотные листы и *химический* карандаш, с одной стороны; тонкие листы, *простой* карандаш и именование Дванов вместо «я», с другой — таковы основные текстологические параметры, которые дают возможность различить две редакции фрагмента и в целом реконструировать первоначальный текст «Новохоперска»: химическим карандашом Платонов писал самостоятельное, более раннее произведение.

В противоположность первоначальному тексту «Новохоперска» текст, находившийся вокруг него («Происхождение мастера», «Строители страны», переходы, созданные специально для «Чевенгура»), писался простым карандашом, а не химическим. Поэтому установить «пространственные» границы «Новохоперска» не составляет труда.

Сложнее определить, какая правка на плотных листах «Новохоперска», сделанная простым карандашом, относилась к первоначальной редакции фрагмента, а какая была добавлена во время работы над «Чевенгуром».

В рассматриваемом тексте на плотных листах присутствуют все три простейших вида правки: *добавления*, *вычеркивания* и *замены*. Вдобавок в нем встречаются *вычеркивания добавлений*, *вычеркивания замен*, а также *вычеркивания замен вместе с окружающим их первоначальным текстом* и *вычеркивания добавлений вместе с окружающим их первоначальным текстом*.

Показателен, прежде всего, последний из названных комплексный вид правки. Вычеркнутые вместе с первоначальным контекстом добавления нигде не имеют отношения к замене повествования от первого лица на повествование от третьего, «я» на «Дванов». Можно поэтому предположить, что они — то есть сами добавления — были сделаны тогда, когда «Новохоперск», подразумевающий повествование от первого лица, еще мыслился автором как отдельное произведение. Окончательно убедиться в этом позволяет сам факт вычеркивания, которое осуществлялось позже, при работе над «Чевенгуром». Последнее, в свою очередь, доказывается наличием параллельных мест на плотных и тонких листах: на тонких листах сохранились переписанные, модифицированные и сокращенные, варианты исключенных из раннего текста «Новохоперска» отрывков.

Итак, на плотных листах помимо первоначального текста обнаруживаются три отстоящих по времени слоя правки. Первый нанесен по ходу написания «Новохоперска», как и первоначальный текст, химическим карандашом; второй, принадлежащий «Новохоперску», и третий, «чевенгурный», — простым карандашом.

Второй и третий слои правки с уверенностью отличимы один от другого только в случаях вычеркивания добавлений (и по той же логике — замен) вместе с окружающим их первоначальным текстом. В иных обстоятельствах общий массив такой правки нельзя точно разделить на слой «Новохоперска» и слой «Чевенгура». Можно лишь выделить из него часть правки, которая *гарантированно относится* к «Чевенгуру».

Если добавление или замена, сделанная простым карандашом и сохранившаяся в окончательном тексте рукописи «Чевенгура», касается способа повествования, топонимики и трансформации системы персонажей, то она, что ясно, совершенно точно принадлежит «Чевенгуру». Любое другое семантическое наполнение правки не предполагает однозначного суждения. «Стилеметрический» анализ («считаю, что данная фраза по стилю ближе «Чевенгуру»...») приводит к вероятностным результатам и не может приниматься в расчет при первичном текстологическом исследовании.

С относящейся к «Новохоперску» правкой простым карандашом связана еще одна особенность рукописи, которую необходимо учесть. В окончательный («чевенгурный») текст фрагмента Платонов ввел две вставки.

Первая представляет собой небольшую часть тонкого листа и не содержит правки «я —

Дванов». Здесь фигурирует только Дванов. То есть текст, зафиксированный на ней, поздно происхождения. Он не включен в транскрипцию.

Вторая, напротив, занимает чуть меньше полутора толстых листов и имеет замены «я — Дванов». На одном из листов сохранилась авторская пагинация — 30. По физическим признакам от большей части текста «Новохоперска» ее отличает то, что она целиком написана не химическим, а простым карандашом. Фактура листов и их размер те же самые. Замены «я — Дванов», наличие номера страницы и факт, что Платонов при написании «Новохоперска» в первой редакции правил текст простым карандашом, заставляют с большой долей уверенности предположить, что эта вставка была перенесена Платоновым из последующего текста «Новохоперска». Окончательно же придти к выводу о том, что вставка изначально являлась частью «Новохоперска», а не была специально создана для «Чевенгура» и не вынута из какого-либо другого, третьего произведения, позволяет семантический анализ: в ней получает развитие один из основных для всего фрагмента мотивов — мотив страха перед смертью. Это является основанием для включения ее в транскрипцию. Ср.:

«Человек боится не смерти, не жизни, а мучений, страха и неизвестности. Лишь бы не было <этих трех чувств,> тогда вся жизнь переменится. А их у меня не было, когда я упал от удара паровозов лоб в лоб...» (Л. 48, С. 15 — по пагинации ранней редакции «Новохоперска»).

«Я опять подумал, что смерть — не страх: ему, вот, скучно, а мне она явилась как теплая темнота» (Л. 50, С. 30 — по пагинации ранней редакции «Новохоперска»).

В транскрипции за небольшим исключением дается лишь тот текст, который гарантированно представляет «Новохоперск» как фрагмент самостоятельного произведения, включавшего не менее 30 рукописных страниц. Исключение составляют пометы на полях, время появления части которых установить трудно, и относящаяся к «Чевенгуру» авторская пагинация.

Транскрипция состоит из нескольких текстовых фрагментов, которые удалось восстановить, анализируя материалы рукописи. Они расположены в последовательности, характеризующей первоначальную редакцию, — в «Чевенгуре» порядок эпизодов иной.

Транскрипция составлена по правилам, приведенным на с. 575–576 наст. изд. Особо необходимо оговорить следующие специфические для данной публикации моменты.

1. Пометы на полях выделяются *пунктирной* рамкой, когда они напозают на границу колонки основного текста, так что Платонову приходилось их огигать (см. статью «Как писал Платонов», с. 564–575, наст. изд.). В других случаях они обрамлены *штриховой* линией.

2. <...> — обозначает утраченный текст (вырезан, заклеен).

3. Текст, написанный простым карандашом, дается шрифтом без засечек.

4. Часть помет в рукописи выполнены не простым, а цветными карандашами. В таких случаях цвет указывается в примечаниях.

<Фрагмент 1>

<...>

Я сходил в ревком и поговорил с людьми. Те немного пожаловались [на свою заброшенность [, но сказа] на массу приказов] на отсутствие бязи для [белья] красноармейского белья, отчего [множилась] вошь кипит на людях кашей, но решили драться до голой земли.

Машинист из депо, предревкома, сказал мне:

— Революция — рыск: не выйдет — почву выдернем и глину [лок] оставим, пусть кормятся **любые** сукины дети, раз рабочему не повезло!

<...>

<Фрагмент 1 об.>

<...>

[туры. Другие]

[Я понял все]

Москва послала Сталеметного [у] создать в губернии укрепленную зону и уложить [в колю] меж колючими проволоками Деникинские армии. Наша губерния должна стать, по этому замыслу, заставой для белых войск, преграждающей их стремительный поток на Москву. Но Сталеметный не почувствовал смертельной опасности на равнинах губернии, не сумел помочь красным партизанам и регулярной армии вооружением и [впоследствии] впоследствии уехал с женой <...> из осажденного белыми губернского города <...> об обороне красного города.

<...>

<Фрагмент 2>

<...>

<...>. Читатели и лозунги были беззащитны, — [в степи [шевелились] двигались враги и можно <нрзб> прямо оттуда] прямо из степи можно достать пулей [голову] склоненную над книжкой голову [комму] молодого коммуниста. Я тогда возненавидел степь — чужую, страшную[,] и дымящуюся выстрелами, в которой [двигались] собирались казаки и кулаки для

<Фрагмент 2 об.>

<...>

комендант — [лит] <...>
 женой[.], читая свой приказ на за <...> Ему уже [ме] <...>
 обозы, — он еле выбрался в [северную] степь.
 Я понял [<нрзб 4 сл.>] все не [столько]
 столько своим умом, сколько сравнением новохоперских
 предводителей партизанских отрядов и губернских руководи-
 телей, главным образом, Сталеметного. В Новохоперске
 <...>

<...>*

ды.

Через две недели после моего письма Сталеметному <...> ответ — я отзывался в губернию. Отзыв был подписан секретарем редакции, а не редактором — Сталеметным. [До вокзала] Я ушел из города молча и пешком. Вокзал находился в четырех верстах, но как доехать до губернии я не знал: говорили, что казаки заняли часть линии. С вокзала шел по полю оркестр и играл печальную [грустную] музыку: оказываются несли **остывшее тело погибшего** [труп] [убитого]

Нехворайко, которого уничтожили
вместе с отрядом **зажиточные слобожане** [кулаки]

в [селе Песках] огромном
селе Песках. Я сильно затосковал и заспешил на станцию. Наше гибельное время[,] и неизбежную раннюю смерть я чувствовал [живо живо] тогда живо и грустно. Мне жаль было мечущихся бесприютных людей, объединенных и покинутых, над которыми страдает **музыка** [оркестр] **за недостатком чувств**, а не мать, имена которы[ми]х исчезают под безымянной травой на братских могилах. Я не верил, что борьба — людское вечное призвание; [от] по молодости я мечтал о другой и мирной судьбе — о каком-то глубоком человеческом сознании, [познающем] **видящем** события в мире прежде их появления, — о богатстве вселенной, котор[ая]е **удовлетворит** [<нрзб>]

всякую жадность жизни[,] и о каком <sic> абсолютно сердечном чувстве веры в значение человека, как **завоевателя** и спасителя [и] бушующей природы[,] **уничтожающей самое себя**.

Все это я обдумывал много раз — теперь меня интересовало превращение мыслей в событие. Старая мать, умершие братья и сестры, износившийся на работе отец, также требовали оправдания их скучной мучительной жизни — они родились ведь

* Сверху ножницами вырезан фрагмент листа. Приблизительно 8 строк. В рукописи не обнаружен.

<...>*

На вокзале я почувствовал сосущее пространство. Как и каждого человека, меня влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи скучали по мне и звали меня. Наверное, человек действительно родственник всем забытым вещам, рассеянным в заросшем пространствами мире.

[Человек] Двадцать безымянных людей сидели на полу и надеялись на какой-то поезд. Они без жалобы переживали мучения революции и терпеливо бродили по степной России в поисках хлеба и спасения. Я вышел наружу, разглядел на пятом пути какой-то воинский поезд и пошел к нему. Поезд состоял из [лл] восьми платформ с повозками и артиллерией и двух классных вагонов. Сзади были прицеплены еще две платформы — с углем.

Командир отряда меня пустил в классный вагон, просмотрев мои документы.

— Только мы едем до Разгуляевского разъезда, товарищ! — заявил командир. — А дальше нам поезд не нужен: мы выходим на позицию.

[— Ладно] Я согласился ехать и до Разгуляева, а там [<нрзб>] посмотрю.

Красноармейцы-артиллеристы почти все спали. Они две недели дрались под Балашовом и тяжело устали. Двое выспались и сидели у окна, напевая от скуки. Командир лежа читал «Приключения отшельника, любителя изящного, изданные Тиком». А политком пропадал где-то на телеграфе. Вагон, вероятно, перевез массу красноармейцев, тосковавших в дальних дорогах и от тоски исписавших стены и лавки химическими карандашами, какими всегда пишутся с фронта письма на родину. Я в [каком-то] задушевном унынии читал эти изречения — я и дома [раньше] прочитывал новый календарь за [гора] год вперед.

* Вырезан фрагмент листа.

«Наша надежда стоит на якоре на дне морском» — писал неизвестный путешественник и подписывал место размышления: Джанкой, [1918], 18 [Л] Сентября, 1918.

«Революция — красивая сила, но боюсь за нее: солнце — начальник природы, вдруг раз солнце — начальник природы, тогда у людей кто? — Х. Борщинненко, <sic!> всемирный разведчик».

Смеркалось — и поезд тронулся без предупредительного свистка. Меня начало укачивать на жестких старых рессорах вагона и я задремал [не прочитав] на последней надписи:

[?]* «Люблю еврея, он отец всех людей. Каждый человек [и все вместе] тоскует о своем Сионе».

Проснулся я во тьме. Мня разбудил скрежет тормозных колодок и еще что-то. Окно осветилось светом магния и [близко] низко провизжал снаряд. Он разорвался недалеко, показав [на миг миг св жнивье] жнивье и смирное ночное поле. Я встал. [Поезд остановился, в с]

[Л]

[Поезд] Наш поезд остановился и не знал, что делать. Комиссар пошел наружу, и я с ним. Нас явно обстреливали казаки — их батарея сверкала где-то недалеко, но все время давала перелет.

Прохладно и грустно было тою ночью, долго мы двое шли до паровоза. Машина [И] чуть шумела котлом, и горел маленький огонек, как лампадка, [У]над манометром.

— Что стали? — спросил комиссар.

— Боюсь за путь, товарищ политком: [без огней идем] обстреливают, а мы без огней идем — нарвемся на крушение! — тихо ответил сверху машинист.

[— Че] — Ерунда: видишь — они перелет делают! — сказал комиссар. — Только дуй побыстрее и без шума!

— Ну, ладно! — согласился машинист. — У меня помощник один — не управится, дайте солдата для топки!

[Пр<Ик>т
<нрзб>
Крушение
ос<т>а<на>вл
<нрзб>]

* Помета написана и зачеркнута красным карандашом. Точное авторство помет, сделанных цветными карандашами, и время их появления в рукописи установить сложно.

Я догадался и влез на паровоз для помощи.

Шрапнель разорвалась впереди паровоза и осветила весь состав. Побледневший [паро] машинист повел ручкой регулятора и крикнул нам с помощником:

— Держи пар!

Мы усердно начали совать дрова в [по<т>] топку.

Паровоз [шел] пошел с нарастающей скоростью. Впереди лежала мертвая тяжелая тьма, и, быть может, в ней нас ждал разобранный путь. На закруглениях [<ваго>] машину швыряло так, что я [ожидал] думал — мы соскочим с рельс. Машина резко и часто отсекала пар и [дро] слышен был гулкий поток воздуха от трения [ее] бегущего тела паровоза. Под нами иногда грохотали мостки, [а]и [страшным светом вспых] вверху таинственным светом вспыхивали облака, [-] отражая [огонь] выбегающий огонь из открытой топки. Я быстро вспотел и удивлялся, чего мы так гоним поезд, раз [батарею] казачью батарею давно проехали. Но испуганный машинист [треб] без конца требовал от нас пара, сам помогая кормить топку, и ни разу не отвел регулятора с его [предельно] крайней точки.

Я выглянул с паровоза. В степи давно стояла тишина, лишь мы свирепствовали. Спереди на нас бежали какие-то огни: наверное, станция.

— Чего он [спешит] так гонит? — спросил я у помощника про машиниста.

— Не знаю, — [ответил тот] угрюмо ответил [тот] тот.

— Так мы же обязательно сами наделаем крушение! — [за] громко заявил я, а сам не знал, что мне делать.

Паровоз трепетал от напряжения и размахивал [свои] всем корпусом, ища возможности выброситься под откос от душащей его [ск] силы и яростной скорости. Иногда мне казалось, что мы уже сорвались с рельс и летим по месеву <sic> мягкой почвы и я хватался за грудь, чтобы удержать сердце от страха.

Когда мы проскакивали стрелки и скрещения какой-то станции, я видел как колеса выбивали огонь на крестовинах.

Потом мы опять утонули в [глушь] темную глушь и в ярость полного хода. Закругления нас валили с ног и перекашивали весь паровоз, а вагоны сзади отбивали лихую чечетку. Машинист высунулся в окно и на нас

[Помощнику, видно]

не обращал внимания. [и не]

Помощнику, видно, надоела работа и он сказал механику:

— Иван Палыч! Скоро Шкарино, давайте остановимся — воды возьмем!

Машинист слышал, но промолчал. Я подумал, что он с ума сошел и потихоньку открыл нижний кран тендера. Этим я хотел спустить воду и заставить машиниста прекратить ненужный бег. Я тогда не хотел напрасно погибать [.] и ожидал от [жизни] жизни [ее] разгадки ее тайного явления и [страстной смелой силы] надеялся на страстную смелую силу начавшейся революции.

Машинист закрыл регулятор и отошел от окна. Лицо его было спокойное и он полез за табаком. Я тоже успокоился [и на глазах и, не] и завернул [закрыл] кран тендера. Машинист улыбнулся и сказал мне:

— Зачем ты это делал? За нами [бро] белый броневик с Марьинского разъезда все время шел — вот я и уходил!

Я не понимал:

— А теперь он что?.. Почему же вы после батареи не сдали хода, когда мы еще не доехали до Марьинского разъезда?..

— Теперь бронепоезд [пропал] отстал — можно потише, — ответил машинист. — Залезь на дрова, погляди назад!

Я [вы] влез на горку дров. Скорость все еще была велика, и ветер [метал] раскачивал мое тело. Сзади было совсем темно и только [тихо] поскрипывали спешащие вслед вагоны.

* Помета «галочка» красным карандашом.

— А до Марьина почему вы спешили? — опять допытывался я.

любил
жизнь
был<а>
<мила>V * — Нас же заметила батарея — она могла переменить прицел — надо было подальше уйти! — объяснил машинист[.],
но я понял, что он трус.

В Шкарино мы остановились. Пришел комиссар и удивился рассказу механика. На Шкарино было пусто, из колонки в паровоз шли остатки воды. Подошел какой-то местный человек и глухо, против ночного ветра, сообщил, что на Поворино казацьи разъезды — мы не [проедем.] проедем.

— Нам до Разгуляя только! — ответил комиссар.

— А-а! — сказал человек и ушел в темное станционное здание. Я пошел за ним в помещение. В зале для публики было пусто и скучно. Покинутость, [и] забвение и одичалая тоска встретили меня в этом опасном доме гражданской войны. Неведомый одинокий человек, говоривший с комиссаром, прилег в углу на уцелевшую лавку [и соб] и начал укрываться скудной одеждой. Кто он и зачем сюда попал — меня сильно и душевно интересовало. Сколько раз я встречал — и прежде, и потом — таких [людей] сторонних безвестных людей, живущих [неизвестно] по своим одиноким законам, но никогда не налегала душа подойти и спросить их, — или пристать к ним и вместе пропасть из строя жизни. Может быть, было бы лучше тогда мне подойти к тому человеку в Шкаринском вокзале и прилечь к нему, [на полу,] а утром выйти и исчезнуть в воздухе степи.

— Машинист — трус, бронепоезда не было! — сразу сказал я комиссару.

— Черт с ним — довезет какнибудь! — спокойно и устало ответил мне комиссар и, отвернувшись, пошел к своему вагону, бормоча с печалью говоря себе на ходу: — Эх, Дуня, моя Дуня, чем ты детей моих кормишь теперь?..

Я тоже пошел в вагон, не понимая — [но] за что мучаются так люди: один лежит в пустом вокзале, другой тоскует по жене. Может быть, они сами [так] виноваты

* Помета красным карандашом. Поверх двух нижних строк пометы — галочка.

в своем [таком] волнении в тихой природе? Но ветер [выл] шумел над моей головой и нагонял тучи, капающие дождем. В природе тоже шевелилось вечное горе и ее растравленная душа искала себе какого-то утешения. Я понял, что в таком тревожном мире человек не может быть иным, как только несчастным и взволнованным. [и куда-то бредущим <-> с пользой или напрасно]

— А революция? — вспомнил я в [<нрзб> в] тамбуре вагона. — Удар по порочному кругу природы, — прошептал я себе ответ и почувствовал покой. — Удар по ветрам, ливням, душевной тоске, по семейной беде, по голодному горю, убийству, одиночеству, землетрясению, — по всем злобам и печалям, чтобы прямо, [и верно увере] прочно и уверенно стояло тонкое тело человека на земле, чтобы грустное сердце и синяя мысль стали самой драгоценной и страшной силой в [при в] природе...

Я еще много шептал и думал уверенней о счастье революции и уснул в блаженном успокоении. [Было] Начинаясь осень 1919 года — [<но> <то>] утро нового века, **заря** тысячелетнего **царства**** социализма, когда еще [I] прохладно от [от] опасности и [помнишь] больше помнишь вчерашний [де] старый день.

Проснулся я до рассвета, еле отдохнув. Поезд стоял в **мокрой** степи, красноармейцы храпели и чесали во сне **свои** тела — слышен был остервенелый скрежет ногтей по грязной коже. Комиссар тоже спал, лицо его сморщилось — вероятно он мучился перед сном воспоминаниями о покинутой семье, и так уснул с маской горя на лице. Не унявшийся ветер гнул поздние былинки в остывшей степи и целина от вчерашнего дождя превратилась в тягучую грязь. Командир лежал против комиссара и тоже спал; его книжка была открыта на описании Рафаэля; я посмотрел в страницу — там Рафаэль назывался [богом з] живым богом раннего счастливого человечества,

* Помета синим карандашом.

** Слово подчеркнуто синим карандашом.

расцветшего по солнечным берегам Средиземного моря. Я не поверил: дул же там ветер, и землю пахали мужики на жаре, и матери умирали у детей.

[— *Что: стоим что-ли? — открыл глаза:*]

Комиссар открыл [го] глаза:

— Что: стоим, что-ли?

— Стоим!

— Что за чорт — сто верст едем сутки! — рассердился комиссар, и мы опять пошли с ним к паровозу.

Паровоз стоял покинутый — ни машиниста, ни помощника не было. Впереди него — в пяти саженях — [рельсы] лежали неумело разобранные рельсы.

Комиссар посерьезнел:

— Сами они ушли, или побили их — сам чорт не поймет! Как же мы теперь поедem?

— Конечно, сами ушли! — сказал я.

Паровоз стоял еще горячий и я решил сам [как] полегоньку повести состав — я же ездил за помощника на паровозе. Комиссар согласился, дал мне [помощ] в помощь двух красноармейцев, а другим велел собрать путь.

[Ча] Часа через три мы тронулись. Я сам глядел за всем — и за топкой, и за водой, и на [доро] путь — и чего-то волновался. Большая машина шла покорно, а я ее особо не гнал. Постепенно я осмелел и поехал быстрее, но строго тормозя на уклонах и закруглениях. Красноармейцам-помощникам я рассказал в чем дело, и они довольно хорошо держали пар нужного давления.

Встретился какой-то безлюдный разъезд под названием «Завалишный»; около отхожего места сидел старик и ел хлеб, не поднимая [го] глаз на поезд; разъезд я проехал тихо, осматривая стрелки, и понесся дальше. Сквозь туманы выбиралось солнце и медленно грело сырую остывшую землю. Редкие птицы [копошились] взлетали над пустырями и сейчас же садились над своей пищей — осыпавшимися семечками.

Начался затяжной прямой уклон. Я закрыл пар и поехал по инерции с растущей скоростью.

[Путь] Чистый путь виден далеко — до самого перехода уклона в подъем, в степной впадине. Я успокоился и слез с сиденья, чтобы посмотреть, как работают мои помощники и поговорить с ними. [Минуты] Минут через пять я вернулся к окну и выглянул. Далеко завиднелся [паровоз] семафор — вероятно это и будет Разгуляй; за семафором я разглядел дым паровоза, но не удивился — Разгуляй был в советских руках, про это мы знали еще в Новохоперске. Там стоял какой-то штаб и держалось правильное сообщение с большой узловой станцией Лиски.

Паровозный дым на Разгуляе вырос и я увидел [его] трубу паровоза и его переднюю часть. «Вероятно, он прибыл с Лисок», —

подумал я. Но паровоз ехал к семафору — на нас.

[Я] «Сейчас остановится, заходит за стрелку», — следил я за тем паровозом. Но быстрая отсечка пара из трубы говорила другое: паровоз с хорошей скоростью шел навстречу нам. Я высунулся весь из окна и глядел. Паровоз прошел семафор — он вел большой товарный или воинский состав по однопутной дороге в лоб нашему эшелону. Мы шли под уклон, он тоже под уклон, и встретиться [м] должны в степной впадине — на разломе профиля дороги. Я догадался, что [дело] дело плохо — и натянул свисток; красноармейцы заметили встречный поезд и начали метаться от испуга.

— Сейчас [я заторможу] замедлю ход и вы тогда прыгайте! — сказал я им: все равно они были бесполезны. Вестингауз не действовал — это я знал еще вчера при старом машинисте. Оставался обратный ход: контрпар. Встречный поезд тоже заметил нас и давал непрерывный тревожный гудок. Я [привязал] зацепил колечко свистка за какой-то [венд] вентиль, чтобы не [прерывать] прекращать тревожного сигнала, и начал переводить реверсивную муфту на задний ход.

Руки мои оторопели и я еле осилил тугой червячный вал. Затем я открыл весь пар. Паровоз вздрогнул, ударил водой в трубу и закрутил колеса в обратную сторону. Наш легкий состав сейчас же остановился, а потом пополз обратно. Паровоз как будто сам чувствовал опасность и бешено буксовал, спеша уйти от настигавшего [*<нас>*] тяжелого воинского состава. [*Красноармейцы прыгнули*] Я не заметил, когда прыгнули красноармейцы, и сам весь сразу завял [*<нрзб>*] [*от потного напряжения*] от утомления; [*Мы мед*] [*Наш*] Наш эшелон медленно пополз [*а назад*] назад. Я собирался прыгать с паровоза, но потом вспомнил, что наверное я порвал крышки у цилиндров от слишком [*от*] [*ре*] резкого открытия контр-пара. Цилиндры парили́ — сальники были пробиты, но крышки [*уцелели*] уцелели. Встречный паровоз приближался очень ходко: синий дым стлался от трения тормозных колодок из под его колес, [*паровоза*] но [*весь*] вес поезда был слишком велик, чтобы один паровоз смог задавить его скорость. Машинист [*прерывал*] резко и торопливо давал по три свистка, прося у бригады ручных тормозов, — я понимал и смотрел на все, как посторонний. Моя несмелость помогла мне в тот смертельный час — я испугался [*прыгать*] уйти со своего паровоза, потому что меня бы застрелил [*пото*] политком или исключили бы потом из партии. Кроме того [*паровоз*] [*встречный*] разгуляевский паровоз был слишком близко — я бы не успел [*отбежать*] отбежать на совершенно обессилевших дрожащих ногах. Действительно, ноги мои настолько ослабли, как будто я весил тонну, и я сел на сиденье, [*м*] мгновенно вспомнив умершего, самого любимого, брата, который бы наверно тоже не побегал с паровоза. [*Он облад Мой младший брат обладал такими*] [*терпением*] мужеством и надеждой]

[Нужно]

[Нужно]*

[Крышки

не порвал]

* Подчеркивания и отчерк на полях, возможно, сделаны другим лицом. Вторая помета «нужно», скорее всего, относится ко времени создания текста «Чевенгура». Выполнено простым карандашом.

Стыд перед умершим братом — маленьким безруким калекой, не евшим в голод по шесть дней[,] и умершим от нечаянной грибной отравы, оставил меня в будке паровоза — в пяти саженях от мчащейся на мое тело горы одичалого [дикого] металла. Я схватился за [подоко р рукоя] подоконник, чтобы выдержать удар, и в последний раз выглянул на противника. С того поезда сыпались как попало люди, уродуясь и спасаясь; я заметил, что и с паровоза брякнулся под откос человек — машинист или помощник. Я посмотрел назад — на свой поезд — никто не показывался: наверное все спали.

Я зажмурился и боялся грома от толчка. Потом мгновенно, на оживших ногах, вылетел из будки, чтобы прыгать, [я] и схватился за поручни сходной лесенки, только тут [мне] я почувствовал свое горячее сознание: [—] котел [взорвется] обязательно взорвется от удара и я буду размножен как тварь.

<Z> Близко бежала подо мною крепкая прочная земля, [на которой] которая ждала моей жизни, а через миг останется без меня сиротою [и без меня]. Земля была недостижима

и уходила, как живая; [Я снова] я вспомнил детское видение и детское чувство: мать уходит на базар, я [ты] гон[ишься]юсь на пухлых неумелых ногах, не догоня[ешь]ю и вер[ишь]ю, что мать ушла на веки веков, и плач[ешь]у неутешительными слезами. Затем [тихо быстро бесшумно] быстро мое зрение заслонила [те] теплая темнота и я подумал ясно в последний раз: [я облегченно]

— Неужели это так легко? — и вздохнул бы облегченно, если бы чувствовал грудь. Z Человек боится не смерти,

не жизни, а [ск] мучений<,> <страха> и неизвестности. [После] Лишь бы не было <этих трех чувств,> тогда вся жизнь переменится. А их у меня не было, когда я [надал один]

[ра<спад>

[и по] упал от удара паровозов лоб в лоб,

по<следнего>]:

[и думал] когда я уже бессознательно понимал,

что во [мне] мой череп лопнул, а в руслах

мозговых извилин засверкало безумие смерти и распада.

[*Значит, напрасно мы боимся*] [*Значит — страх — мечта*]
 [нестрашного],
 [напрасно]
 [Очнулся я скоро, и обрадовался близкой траве,
 на которой лежал.]
 [Оба паровоза стояли]
 Очнулся я, наверное, скоро — старая сухая трава щекотала
 мою шею и природа показалась очень шумной. [Разгу-
 ляю] [Два] Оба паровоза ревели [вместе] сиренами и предохра-
 нительными клапанами: от [от] сотрясения у них сби-
 лись пружин[нами]ы. Наш паровоз стоял на рельсах правильно,
 только рама согнулась и посинела от [нагрева] мгновенного
 напряжения и нагрева. Разгуляевский паровоз перекошил-
 ся и врезался колесами в балласт. [Вагонов де]
 [В передний вагон нашего] **Внутри** передн[ий]его [пассажирский]
 вагона нашего

поезда вошли два следующих, расклинив его стенки.
 Из разгуляевского состава два вагона были выжаты
 и сброшены на сторону, а колесные скаты их
 лежали на **тендере** [тендере] паровоза.

Ко мне подошел комиссар:

— Жив?

— Ничего. Отчего это случилось?

— Черт <sic!> [их з] его знает! Их машинист говорит, что
 тормоза у него отказали, и он проскочил Разгуляй! Мы его
 арестовали, бродягу! А ты чего смотрел?

Я испугался:

— Я давал обратный ход — позови комиссию, пусть
 осмотрит как стоит управление...

— Чего там комиссию! Человек сорок уложили [—] у
 нас и у них — смазали рельсы кровью! А тут[,] казаки,
 говорят, шлятся [ред] рядом — плохо нам будет!..

Скоро с Разгуляя пришел вспомогательный
 поезд с рабочими и инструментами. Про меня
 все забыли и я двинулся в одиночку на Лиски.

Станцию Разгуляй я обошел, чтобы меня не

остановили там, и скрылся. Долго еще я слушал свист [*пара*] пара из паровоза и длинную мелодию тревожных сирен. [*Пропади и по*] Погибни и пропади я тогда в полевом пустыре — никогда общество меня бы не вспомнило, только мать считала бы дни, ждала письма и плакала. [*Душою*] <Z> Я тогда стоял на душевном распутьи — истории и личной жизни: мне сравнялось 19 лет и столько же было двадцатому веку, я родился ровесником своему [*сто*] столетию, растущему в такт [*своему*] возрасту человека — [у меня] во мне молодость, острота личной судьбы, а в мире, одновременно, [*нрзб*>] революция.

Железнодорожные будки всегда интересовали меня своими загадочными жителями, — я думал, что они счастливы в своем уединении. Я заходил в них пить воду, видел [*грязным*] [*гр*] бедных детей, играющих [*одним воображением, и не прочь был остаться с ними, чтобы*] не в игрушки, а одним воображением, и не прочь был навсегда остаться с ними, чтобы из жалости разделить их участь.

Ночевал я тоже в будке, но не в комнате, а в сенцах, потому что в комнате рожала женщина и всю ночь громко тосковала. Муж ее бродил всю ночь, шагая через меня, и говорил себе с удивлением:

— В такое время {—}... [*В*] В такое время{!}...

Он боялся, что в суматохе революции [*быстро*] **быстро** погибнет его рождающийся ребенок. Четырехлетний мальчик просыпался от [*тревоги*] громкой тревоги матери, пил воду, выходил молчать и глядел на все как потусторонний житель, — понимая, но не оправдывая. Наконец я неожиданно забылся и проснулся в тусклом свете утра, когда по крыше мягко шелестел скучный долгий дождь.

Из комнаты вышел довольный хозяин и прямо сказал:

— Мальчик родился!

— Это очень хорошо, — сказал я и поднялся с подстилки. —

Человек будет!

Отец рожденного обиделся:

— Да, коров будет стеречь — много нас, людей!

Я вышел на дождь, решив уходить дальше. Четырех-летний мальчик сидел в окне и мазал пальцами [что-то] по стеклу, [что-то] воображая что-то непохожее на свою жизнь. Я махнул ему дважды рукой, но он испугался и слез с окна; так я его больше и не увидел, и не увижу.

— До свиданья! — сказал я дому и месту своего ночлега, и [заспешил] пошел на Лиски.

Через версту я встретил **бодрую** старушку с узелком. [Она]

— Она уже родила! — сказал я ей, чтобы она не спешила.

— Родила?! — быстро удивилась старушка. — Знать, недоносок, батюшка, был — вот страсть-то! Кого ж бог послал?

— Мальчик, — довольно заявил я, как-будто участ[ник]вовал <в>* происшествия. <sic!>

— Мальчик! Непочетник родителям будет! — решила старуха. — Ох, и тяжело рожать, батюшка: хоть бы родил один мужик на свете, тогда б он в [ног] ножки жене и теще поклонился!..

Старуха **сразу** перешла на длинный разговор, ненужный мне, и я окоротил ее:

— Ну, бабушка, прощай! Мы с тобой не родим — чего нам ссориться!

— Прощай, дорогой! По`мни мать свою — не будь непочетником!

Я шел как раз к матери, значит, я почитал ее. Сначала дорога влекла меня и я шел охотно, но потом пространство из нежного видения превратилось в [труд] тоскливый труд. Я сел в ложбинку, где не дуло, и подумал, что природа только в детстве, когда [не работаешь] работает за тебя отец, кажется такой милой, а потом [превращ] становится унылой работой на всю жизнь: она целиком сделана против

* «в» — вставлено во время работы над «Чевенгуром».

[Вставить
в крушение]**

Вставка «Б»

Недалеко лежал опрокинутый человек. Его тело вспухало [, *а лицо чернело*] с такой быстротой, что **было** видно движение роста; лицо же [*его*] медленно темнело, как будто человека опускали в тьму, — я даже обратил внимание на свет дня: [*дел*] действует ли он, раз человек так чернеет.

Скоро человек возрос до того, что я стал бояться, что он лопнет и брызнет на меня своею [*жидк*] внутренней жидкостью, но человек начал опадать опухольями — он, [*наврное, умер*] наврное уже давно умер, в нем беспокоились лишь мертвые вещества.

[У] Один красноармеец сидел [*на*] на корточках

---

* Текст «Вставки Б» написан простым, а не химическим карандашом. Вероятно, это перенесенный из более поздней части «Новохоперска» фрагмент: в нем действует рассказчик («я») и на следующем листе сохранилась информация о странице (30). В пределах данной вставки особое шрифтовое обозначение для простого карандаша не используется.

** Надпись расположена посередине страницы, занимает ее большую часть, написана простым карандашом наискосок.

Вставка Б

[над] [<ло>пух] и глядел себе в пах[<ь>]х, откуда темным давленным вином лилась кровь; красноармеец бледнел лицом, [и просил] подсаживал себя рукою, [чим] чтобы встать, и [просил] замедляющимися словами просил кровь:

– Перестань, собака, ведь я же ослабну!

Но кровь густела до опьяняющего вкуса, затем пошла с [лохмотьями] черными лохмотьями и совсем прекратилась; красноармеец свалился навзничь и тихо сказал — с такой искренностью, когда не ждут ответа:

– Ох, и скучно мне — нету никого со мной!

Я опять подумал, что смерть — не страх: ему, вот, скучно, а мне она явилась как теплая темнота.

Когда я подошел к красноармейцу, он [ясно] ясно [ска] попросил меня:

– Закрой мне зрение! — и глядел, не моргая, без всякой дрожи [в] век.

– А, что? — спросил я, [з и мне стало стыдно] и покраснел от [стыда и стыда и здоровья.] [жизни] стыда за свою жизнь и здоровье.

– Режет... — объяснил красноармеец и двинул скульями, чтобы закрыть глаза. [Глаза закрылись.] Но глаза не закрывались, а выгорали и выцветали, превращаясь в мутный минерал.

[И сейчас [же] я различил в [ме] его мертвых глаз] [в мертвые] [в мертвы.] [В минералах] [кристал<а>х] [Явственно пошел]

В его мертвых

глазах явственно пошли отражения облачного неба, —

[природа возврати] как будто

природа возвратилась в человека [, потушив [чуждую] мешавшую жизнь] [после [мешавшей] заглохшей жизни [в нем]].

[Кончилась жизнь — нача-

лась ржавая вечность.] [нос] после мешавшей ей встречной жизни, и [человек] красноармеец, чтобы не мучиться, приспособился к ней смертью.

.....
 : [Смерть — последнее :
 : <n>рис<посо>б.
 : жизни]
 : .....

Содержание

От редактора. <i>Наталья Корниенко</i>	3
--	---

I. КОНТЕКСТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

<i>Дмитрий Замятин</i> . КРУГЛАЯ ВЕЧНОСТЬ. Образная геоморфология романа «Чевенгур»	7
<i>Анджела Ливингстон</i> . ВРЕМЯ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	20
<i>Светлана Семенова</i> . РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ И ПОДТЕКСТ «ЧЕВЕНГУРА»	34
<i>Алла Кулагина</i> . ЛЕГЕНДЫ О БЕЛОВОДЬЕ И «ЧЕВЕНГУР»	45
<i>Ханс Гюнтер</i> . ЛЮБОВЬ СЕКТАНТСКИХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР (К проблеме телесности в романе «Чевенгур»)	54
<i>Всеволод Багно</i> . «ЗАБЛУДЯЩИЕ КАВАЛЕРЫ» в романе Платонова	65
<i>Александр Дырдин</i> . О «МЕДЛЕННОЙ ПОЛЬЗЕ». Славянофильские акценты «Чевенгура»	73
<i>Владимир Звиняцковский</i> . КУКОЛЬНЫЙ ДУРДОМ (Инфантилизм и «безотцовщина» как проблемы культурного сознания второй половины XIX–XX столетий в «Чевенгуре»)	81
<i>Оксана Филенко</i> . СТЕПЬ И САД (Принципы организации художественного пространства и времени в творчестве А. Чехова и А. Платонова)	90
<i>Елена Колесникова</i> . К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В «ЧЕВЕНГУРЕ»	98
<i>Наталья Бочарова</i> . СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕМА В «ЧЕВЕНГУРЕ» И ПОЭЗИИ ПРОЛЕТКУЛЬТА	104
<i>Александр Казаркин</i> . ЧЕВЕНГУРСКИЕ АПОКАЛИПТИКИ (К параллели: А. Платонов и Н. Клюев)	110
<i>Ирина Матвеева</i> . «ЧЕВЕНГУР» И «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. ШОЛОХОВА: Опыт сопоставления	116
<i>Александр Лысов</i> . ИДЕАЛЫ ЦЕЛОСТНОСТИ ЖИЗНИ У А. ПЛАТОНОВА И А. ТВАРДОВСКОГО («Чевенгур», «Страна Муравия»)	121
<i>Вера Серафимова</i> . «ЧЕВЕНГУР» И ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА	131
<i>Елена Проскурина</i> . ГРИМАСЫ СМЕРТИ У ПЛАТОНОВА («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»)	137
<i>Константин Баршт</i> . ДВА ПРОСТРАНСТВА И ДВА ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДВАНОВА	143
<i>Лай Инчуань</i> . ИДЕЯ СТРАННИЧЕСТВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР» В СВЕТЕ ЭПОХИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	150
<i>Тамара Никонова</i> . ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КОММУНИЗМ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	155
<i>Наталья Полтавцева</i> . ЧЕВЕНГУР: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ УТОПИЯ?	161
<i>Иван Есаулов</i> . ЗВЕЗДА И КРЕСТ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	172
<i>Роберт Чандлер</i> . СИРОТСТВО: САША ДВАНОВ И НАЗАР ЧАГАТАЕВ	178
<i>Анастасия Пискунова</i> . САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ЯЗЫК ПЛАТОНОВА	183
<i>Вячеслав Лютый</i> . О ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА	187

<i>Владимир Варва.</i> ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ПЛАТОНОВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	190
<i>Владимир Шаров.</i> ИСКУШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ	199
<i>Владимир Меденица.</i> ДУША, ЖИВУЩАЯ ВО ВРЕМЯ ТОСКИ	204
<i>Леонид Карасев.</i> ПЛАТОНОВ И БУДУЩЕЕ	216
<i>Василий Голованов.</i> К РАЗВАЛИНАМ ЧЕВЕНГУРА	220
<i>Владимир Фетисов.</i> ГЕРОИ «ЧЕВЕНГУРА» В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ	242
<i>Анатолий Генатулин.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЛАТОНОВУ	244
<i>Ирина Ордынская.</i> «ЧЕВЕНГУР» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА КАК СИМВОЛ ЛЮБВИ К СВОЕМУ НАРОДУ	248
<i>Наталья Коньшина.</i> Я РИСУЮ «ЧЕВЕНГУР»	253
<i>Светлана Бахтина.</i> В ПОИСКАХ «СОКРОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА»	273

II. КОММЕНТАРИИ И АНАЛИЗ ТЕКСТА

<i>Олег Алейников.</i> О «НАВСЕГДА ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ» (1918–1919 годы в сознании героев и автора романа «Чевенгур»	285
<i>Ирина Спиридонова.</i> ЭПИТЕТ 'ВЕТХИЙ' В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	303
<i>Нина Малыгина.</i> ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФРАГМЕНТЫ ТВОРЧЕСТВА ПЛАТОНОВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	319
<i>Людмила Некрасова.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПЛАТОНОВА: Запахи воспоминаний	328
<i>Сусуму Нонака.</i> ПОВТОР СРАВНЕНИЙ В «ЧЕВЕНГУРЕ» (К постановке вопроса)	335
<i>Светлана Красовская.</i> «ЧЕВЕНГУР» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: НА «КРАЮ» ЭПОСА	345
<i>Марина Любушкина.</i> БИБЛИЯ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	354
<i>Наталья Брагина.</i> РОМАН «ЧЕВЕНГУР», ПРОЧИТАННЫЙ ГЛАЗАМИ МУЗЫКАНТА	361
<i>Александр Ванюков.</i> ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРА РОМАНА	369
<i>Юрий Пастушенко.</i> ЧЕВЕНГУР: ЗАГАДКА ЗАМЫСЛА	379
<i>Геннадий Ковалев.</i> «ЧЕВЕНГУР» — К СПОРАМ О СМЫСЛЕ НАЗВАНИЯ	386
<i>Михаил Михеев.</i> РЕДАКТИРОВАНИЕ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТЕКСТА: СТИЛЬ + и СТИЛЬ – (лето 1921, осень 1929 в «Ревзаповеднике» Платонова)	392
<i>Светлана Корниенко.</i> «ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЛЮДИ» РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»	405
<i>Бен Доог.</i> МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И КАРТИНЫ МИРА АВТОРА (Опыт текстимманентного подхода к «неправильному» языку Андрея Платонова)	410
<i>Хисако Кубо.</i> ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФА: Анекдотичность и сказочность в романе «Чевенгур»	418
<i>Юн Юн Сун.</i> ПРОБЛЕМА «ДВОЙНИЧЕСТВА» В РОМАНЕ ПЛАТОНОВА	423
<i>Лидия Шёквист.</i> К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ НАРРАТОРА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	432
<i>Нина Хрящева.</i> «ТОНОК СОН»: К ПОЭТИКЕ СНОВ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	442
<i>Лариса Червякова.</i> ПОЭТИКА СНА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	450
<i>Наталья Умрюхина.</i> «ИСКУССТВЕННОЕ СОЛНЦЕ» У А. ПЛАТОНОВА И М. КОЗЫРЕВА-И. КРЕМЛЕВА (Документ и художественный текст)	455
<i>Наталья Дужина.</i> СТРОИТЕЛИ «ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДОМА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1929–1930 гг.	461

III. ХРОНИКА И АРХИВ

СТАТЬИ А. ПЛАТОНОВА В ЗАДОНСКОЙ ГАЗЕТЕ

«СВОБОДНЫЙ ПАХАРЬ». Подготовка текста и вступительная статья <i>Олега Алейникова</i>	473
<i>Наталья Корниенко</i> . ЧЕВЕНГУРСКИЕ МЕЧТАНИЯ О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ В СТАТЬЯХ ПЛАТОНОВА 1920-х гг. («Питомник нового человека» — «Человек, который будет...»)	483
<i>Любовь Суматохина</i> . ПЛАТОНОВ В РАБОТЕ НАД КИНОСЦЕНАРИЕМ «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА»	519
КНИГИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В КРИТИКЕ 1927–1930 гг. Публикация <i>Елены Антоновой</i>	527
<i>Елена Рожнецова</i> . ПЕЧЕНЕГИ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	547
РЕЦЕНЗИЯ НА ПОВЕСТЬ ПЛАТОНОВА «СТЕПНОЕ ДЕЛО». Публикация <i>Елены Рожнецовой</i>	562
<i>Валерий Вьюгин</i> . КАК ПИСАЛ ПЛАТОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ «ЧЕВЕНГУРА»)	564
НОВОХОПЕРСК (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТА). Подготовка текста и вступительная статья <i>Валерия Вьюгина</i>	603
<i>Наталья Корниенко</i> . МЕЖДУ МОСКВОЙ И ЛЕНИНГРАДОМ: О датировке и авантексте романа «Чевенгур»	624
Именной указатель	679

Научное издание

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 6

Ответственный редактор
Корниенко Наталья Васильевна

Оригинал-макет изготовлен в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
Технический редактор Лавочкина А. В.
Корректор Сценснович Е. Н.

ИД № 01286 от 22 марта 2000 г.
Подписано в печать 26.09.2005. Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Tense.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 43,0. Тираж 1000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 290-23-01, 291-19-23

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1906